

Асмолов А. Г. Истоки неклассической психологии¹

Поверх барьеров классического рационального мышления в психологии личности

Истоки многочисленных препятствий на пути построения неклассической психологии связаны, прежде всего, с **надсознательными установками, схематизмами сознания и стереотипами мышления**, присущими классической философии и науке конца XIX—начала XX века (Выделено мной — С. Р.)

Вспоминая слова Н. Н. Ланге, сравнивающего психолога конца XIX века с Приамом на развалинах Трои, было бы уместно продолжить эту емкую аналогию и назвать “идеал рациональности” (М. К. Мамардашвили) тем троянским конем, которым одарила классическая философия и физика психологию двадцатого столетия,

В истории попыток преодоления последствий схем научного анализа, заимствованных из классической физики, могут быть выделены следующие вехи:

— выявление феноменов, способов постановки проблем и общих представлений о человеке, вытекающих из развертывания исследований по канонам идеала рациональности;

— рефлексия в психологии методологических предпосылок и постулатов, в обличии которых перед психологами открылись ограничения классического рационального мышления;

— выделение в психологии подходов и концепций, обладающих потенциалом неклассического мышления.

Неудобные феномены, логические дихотомии и образы рационального человека.

Неудобные феномены. В психологии, строящей исследования по образу и подобию классической физики, факты, свидетельствующие

¹ Асмолов А. Г. По ту сторону сознания: Методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002. Разд. «Истоки неклассической психологии». С. 433–455.

об активности субъекта, интерпретировались как “ошибки”, артефакты или досадные отклонения от нормы.

В качестве примеров можно привести ошибки «ожидания» в психофизиологических экспериментах по измерению порогов чувствительности, “ошибку стимула” (Э. Титченер) и т. п. Практически весь тот долгий путь измерения порогов чувствительности, который проделала психофизика, является дорогой борьбы с этими “ошибками”, борьбы, освященной стремлением к познанию типичных законов сенсорных процессов, очищенных от влияния активности субъекта: его мотивации, установок и, наконец, деятельности, в которую включены сенсорные или перцептивные процессы.

Круг феноменов, не укладывающихся в схемы анализа классического рационального мышления и вытекающую из этой схемы *модель рационального адаптивного действия* (М. К. Мамардашвили), чрезвычайно широк в психологии и родственных ей гуманитарных науках: от упомянутых выше “ошибок” в экспериментальной психологии до отклонений от социальной или клинической нормы, расцениваемых как алогичность мышления, примитивность сознания в других культурах, различное странное поведение в стиле “безумия” Павла I и т. д.

Модель рационального предсказуемого адаптивного действия, цели которого всегда представлены, прозрачны и понимаемы, стремится в психоаналитическом смысле слова рационализировать все непредсказуемое, уникальное, непохожее, неутилитарное. И тут уже не столь важно, будет ли это нетипичное и уникальное явление названо, например, “гениальностью” или “безумием”. Отметим вслед за М. К. Мамардашвили, что человеческая история, просеянная сквозь фильтр идеала рациональности, избавляется от всего неутилитарного, т. е. от всего неспособного быть полезной вещью, например, от произведений первобытного искусства, которых не видят археологи, занятые раскопками понятных и утилитарных орудий человеческого труда.

Образы человека. Модель рационального адаптивного действия в значительной степени определила и “образы человека”, которые соответствовали канонам классического рационального мышления.

Если огрублять описание “образов человека”, так или иначе бытовавших в науках о человеке, то можно выделить три спорящих друг

с другом образа: “ощущающий человек” (поздняя проекция этого образа укрепились в когнитивной психологии в виде компьютерной метафоры “человека как устройства по переработке информации”); образ “запрограммированного человека” (в поведенческих науках — “человек как набор реакций”, в социальных науках — “человек как репертуар социальных ролей или сценариев”); образ “нуждающегося человека»” — (“человек как пучок потребностей, влечений и мотивов”).

Эти “образы человека” соответствовали модели рационального действия. И даже приписывание влечениям и мотивам человека атрибута «неосознаваемых» влечений и мотивов по сути не меняло положения дел, так как и в психоанализе остается неприкосновенной сущностная характеристика рационального действия — его подчиненность конечной, заранее предустановленной цели.

Логические дихотомии. В самых разных направлениях и теориях психологии личности с редким постоянством возникают «вечные» вопросы, которые по форме строятся как логические дихотомии, являющиеся характерным признаком рационального классического мышления.

Приведем некоторые из наиболее типичных вопросов такого рода: является ли человек биологическим и/или социальным существом? Определяется ли природа человека средой и/или наследственностью? Выступает ли личность как рациональное и/или иррациональное существо? Управляется ли поведение личности заданной извне программой и/или программа поведения каждый раз строится личностью? Обладает ли личность статичной или динамичной структурой? Какой тип приспособления личности к среде — пассивный (реактивный) или активный — характеризует поведение личности? Был или не был древний грек личностью?

За этими вопросами проступает **взгляд на личность как «вещь среди вещей»** (Выделено мной — С. Р.), которая, даже если она помещена в центр мироздания, заводится средой, программируется наследственностью, направляется душой или же регулируется взаимодействием этих трех “факторов”. Исследуя подобную механику “личностных тел”, являющуюся скрытой аналогией механики небесных тел в классической физической картине мира Ньютона, психологи попадают в ловушки логических дихотомий и пытаются дать точные

ответы на поставленные в стиле классического рационального мышления вопроса.

Когда же не укладывающиеся в схему рационального адаптивного действия феномены и нерешенные вопросы достигают некоей критической массы, **психология обращается к методологии науки и прорывается через барьеры классического рационального мышления** (Выделено мной — С. Р.).

Постулаты и методологические установки классического рационального мышления в психологии

Классическое рациональное мышление кажется “естественным” до тех пор, пока оно не становится объектом напряженной рефлексии. Именно *рефлексия* постулатов и установок классического мышления выступает как шаг к преобразованию культуры мышления, к его “потенциальной релятивизации” (С. С. Аверинцев), а не просто к обнаружению тех или иных методологических заблуждений.

Продуктом преобразующей классическое рациональное мышление рефлексии и стали “постулат непосредственности”, “постулат сообразности”, различные формы познавательного эгоцентризма (“евроцентризм”, “лингвоцентризм”, “эволюционный снобизм”, “антропоцентризм”), а также некоторые методологические предпосылки дуалистических схем детерминации развития личности.

Постулат непосредственности. В традиционной психологии накопленные новые факты, в частности проявления активности человека, его неосознаваемых влечений, вступили в противоречие с *постулатом непосредственности*, согласно которому **объективная действительность непосредственно воздействует на психику субъекта и однозначно определяет возникающие вслед за этим воздействием проявления его психики и поведения** (Выделено мной — С. Р.).

Постулат непосредственности был выделен Д. Н. Узнадзе в ходе анализа интроспективной психологии сознания и бихевиоризма. В основе постулата непосредственности лежит присущая механистическому детерминизму **двучленная схема анализа психики: воздействие на рецепторные системы субъекта — ответные**

явления (субъективные или объективные), вызванные данным воздействием (Выделено мной — С. Р.).

Наиболее явно постулат непосредственности был выражен в центральной схеме бихевиоризма “стимул — реакция”. Принятие постулата непосредственности приводит к тому, что активность субъекта либо выпадает из поля зрения психологов указанных направлений, либо объясняется вмешательством особых субъективных факторов, разных проявлений таинственного личностного начала.

Постулат непосредственности и представлял собой надсознательную установку мышления, которая была характерна для мышления естественных наук, в частности, для классической физики и традиционной физиологии. Признание схемы механистического детерминизма — постулата непосредственности — определило то, что представители традиционной психологии, ориентированные в своих исследованиях на переживания отдельного индивида или факты поведения, **резко обособили сферу психологической реальности от действительности и оказались либо в замкнутом круге сознания, либо в замкнутом круге поведения** (Выделено мной — С. Р.).

В обоих вариантах человек оказывался изолированным от мира. В результате **предметом психологического исследования становятся различные замкнутые “миры”:** “психика вне поведения” и “поведение вне психики” (Выделено мной — С. Р.).

В отечественной психологии преодоление постулата непосредственности осуществляется в русле теории установки Д. Н. Узнадзе и деятельностного подхода к изучению психических явлений.

Антропоцентризм

(Антропоцентристская парадигма мышления).

Сущность человека предполагается либо **в самом человеке, либо в воздействующей на него среде** (биологической, социальной или физической) (Выделено мной — С. Р.). Тем самым разработка проблемы соотношения биологического и социального ведется в контексте биологизированной, социологизированной или психологизированной *антропоцентристской парадигмы* мышления о человеке, изучающей “человека вне мира” и “мир вне человека”.

Иными словами, из антропоцентристской парадигмы мышления вытекает дуалистический взгляд на человека, приводящий к изъятию человека из природы и общества, а затем с помощью схем двухфакторной детерминации развития человека, превращающий его в кентавра из древнегреческих мифов — полуживотное, получеловека, полубиологическое, полусоциальное существо (Выделено мной — С. Р.).

Абсолютизация филогенетических, социогенетических онтогенетических закономерностей развития человека.

Антропоцентристская парадигма мышления о человеке нередко приводит либо к взгляду на человека вне истории его развития, либо к абсолютизации закономерностей какого-либо этапа естественно-исторического процесса эволюции человека.

Бушующие дискуссии о “степени животности” или “степени человечности” человека, как правило, начинают свое обсуждение “биосоциальной” природы человека с рассмотрения его в онтогенезе, либо совершают рекордный по временному интервалу прыжок из филогенеза в онтогенез. **При этом изменения человека в ходе эволюции его образа жизни в антропогенезе и социогенезе сбрасываются со счетов** (Выделено мной — С. Р.).

Человек — существо социально-генетическое не только потому, что он родился в обществе. За его появлением на свет стоит сложный процесс преобразования эволюционных закономерностей образа жизни в истории филогенеза, антропогенеза и социогенеза.

В связи с этим постановка вопроса о “степени животности” и “степени социальности” человека в обществе **некорректна** в самой своей основе (Выделено мной — С. Р.). Она, во-первых, изолирует человека из системы общества, в которой он только и существует; во-вторых, абстрагируется от истории преобразования образа жизни человеческого вида в антропогенезе и социогенезе, игнорирует специфику истории человеческого вида в эволюции, смену закономерностей этой эволюции.

Образцом скачка из филогенеза и эмбриогенеза в область изучения типологии личности служит конституционная концепция личности У. Шелдона. Беря за основание своей концепции понятие “соматотония” (тип телосложения), У. Шелдон из трех слоев

зародышевых листков в эмбриогенезе выводит разные соматотипы, из них — типы темперамента, из них — характер личности, а затем и закономерности развития общества.

Закономерности эмбриогенеза организма, присущие самым разным биологическим видам в филогенезе, абсолютизируются и возводятся в ранг закономерностей развития общества. Концепция У. Шелдона опять же не только не учитывает социального происхождения личности. Она еще в большей степени, чем концепция бихевиористов, погружает процесс развития человека в самые глубокие пласты биологической эволюции, забывая о специфике вида *Homo Sapiens*.

Примером абсолютизации закономерностей социогенеза и их прямого переноса на онтогенез личности является концепция рекапитуляции С. Холла, который устанавливает отношения изоморфизма между тремя разными периодами развития человеческого вида — эмбриогенезом, социогенезом и онтогенезом. Согласно Холлу, ребенок в индивидуальном развитии воспроизводит все фазы развития общества (животная фаза, фаза охоты и рыболовства, конец дикости и начало цивилизации и т. д.), как эмбрион проходит основные этапы филогенеза.

За этими примерами стоит абсолютизация тех или иных частных реальных закономерностей эволюционного процесса и изолирование процесса становления личности из антропогенетического, социогенетического и онтогенетического естественно-исторического процесса развития человечества.

Развитие личности опосредовано историей антропогенеза и социогенеза человеческого вида, а поэтому вопрос о существовании животного, «низшего» начала в человеке и т. п. упускает из виду тот факт, что человек рождается человеком в мире человека.

“Односторонний” эволюционизм. В позитивистски ориентированной психологии процессы развития часто интерпретировались в духе «одностороннего» эволюционизма. В результате психология, во-первых, оказывалась во власти линейных схем развития, расчленяющих процессы развития на механически складывающиеся друг с другом «стадии», «периоды», «этапы»

антропогенеза, социогенеза, онтогенеза или же «блоки» переработки информации в актуалгенезе психического образа.

Во-вторых, следуя логике линейного эволюционизма, психология выстраивала различные стадии развития человека по формуле: “раньше — примитивнее, позже — сложнее, развитее”. Установка “однолинейного” эволюционизма оборачивалась своего рода “эволюционным снобизмом” и приводила к заключениям следующего рода: наглядное мышление — примитивнее логического мышления; “художественный тип” — ниже по уровню “мыслительного типа” (И. П. Павлов); бессознательное в развитии ребенка, проявляющееся в аутистичном характере мышления, слабости интроспекции, нечувствительности к противоречиям, — грубее, архаичнее, “недоразвитее” сознания.

Абсурдность “однолинейного” эволюционизма становится очевидной, когда обращаешься к истории культуры и делаешь заключение, что Илья Репин проще и ниже Ильи Глазунова только потому, что он имел несчастье родиться в более “низком” по уровню XIX веке, а не “высоком” цивилизованном XX веке. В действительности же культуры и психологии предшествующих поколений вовсе не проще, примитивнее, грубее или ниже. Они — *иные*, строящиеся *по иным логикам*, которые могут обеспечить в эволюции полновесный адаптивный эффект.

Преодолению одностороннего эволюционизма при изучении социогенеза и персоногенеза способствует положение о *гетерогенности мышления* (Леви-Брюль). Положение о гетерогенности мышления, дающее возможность понять сосуществование в сознании человека определенной культуры одновременно пралогического и логического мышления, в русле культурно-исторической психологии разработано П. Тульвисте. Дальнейшее развитие этого положения приводит к представлениям об исторической гетерогенности личности и, тем самым, выступает как еще одно из направлений движения поверх барьеров классического рационального мышления.

Европоцентризм. Исследованию социогенетических и персоногенетических закономерностей развития личности препятствует такая типичная эгоцентрическая установка мышления как “европоцентризм”. Многие кросскультурные исследования грешат

европоцентризмом, выдавая образцы видения личности, закономерности ее функционирования и развития в европейской культуре за нечто абсолютное, раз и навсегда данное, а затем избирая эти образцы за единственную систему отсчета при изучении личности в других культурах и цивилизациях. В результате, например, европоцентризм натурализирует логику европейского мышления, придает ей статус “естественной” характеристики мышления, подобной цвету глаз или волос. В действительности же формальная логика представляет собой культурно-историческое изобретение, т. е. она не дана человеку, а задана культурой. В связи с этим вполне оправдано допустить возможность изобретения и существования *иных логик*, среди которых формальная логика как среди разных сосуществующих систем отсчета займет соответствующее место.

Лингвоцентризм. В обширном цикле исследований разных аспектов коммуникации личности господствует лингвоцентризм — *описание закономерностей любого общения по образу и подобию речевого общения*. В результате библейская формула “вначале было слово” во многом определяет логику исследований в поведенческих и социальных науках, в том числе и понимание объективного мира как материализации символической деятельности (Л. фон Берталанфи), а также появление образа человека как рационального “символического существа”, “языковой личности” и т.п. Свое предельное выражение лингвоцентризм находит в гипотезе “лингвистического детерминизма” (Э. Сэпир).

Уязвимость лингвоцентрической установки проявилась при изучении невербальных семиотических систем, в том числе в смешении филогенетических, социогенетических и онтогенетических аспектов невербальной коммуникации.

С особой очевидностью ограниченность лингвоцентризма выступила в многочисленных попытках создания дискретного алфавита языка невербальной коммуникации. Невозможность воплощения симультанных смысловых проявлений личности в дискретных равнодушных знаках заранее обрекает на неудачу любые поиски дискретных формализованных словарей жестов и тело-движений и тем самым доказывает необходимость выхода за границы лингвоцентризма в современной психологии личности.

“Искусственные миры” вместо “мира человека в естественно-историческом процессе”. Парадоксальность различных представлений о “среде культуры” и т. п. заключается в том, что так называемые “среды”, например “физическая среда” в понимании И. Ньютона, “геометрическое пространство” Евклида, “система координат” Декарта, являются человеческим деянием, как и любые другие системные проявления предметного мира.

В психологии предпринималось немало усилий, чтобы человек очутился в “мире необработанного опыта”. Логика подобных исследований неоднократно подвергалась критике в психологии за искусственность процедур анализа, помещение человека в неестественную обстановку. При этом, однако, упускалось из виду, что “мир необработанного опыта” — это совсем не физическая среда обитания человека, а та открытая наукой на данный момент ее истории реальность, которая считается “физической средой”.

Гипертрофия “культуры”, в свою очередь, приводила к тому, что воздействующая на развитие человека среда сводилась к “миру безличных социальных норм”, которые как платья из дома готовых моделей одеваются на биологическую фигуру индивида. Из реальных фактов существования социальных норм в “мире человека” исследователь, оказавшийся под влиянием схем двухфакторной детерминации развития личности, вынужден сделать выводы о существовании двух изолированных миров — “мира социальных норм”, присущего некоей типичной личности в данной культуре, и “психофизиологического мира” индивида, от индивидуальных естественных особенностей которого зависит в незначительной степени адаптация к этим социальным нормам (Р. Линтон).

При анализе “искусственных миров”, подчиняющихся повторяемым неизменным законам классической науки, складывается поразительное впечатление, что многие исследователи психологии личности во что бы то ни стало пытаются вместить изучение личности в рамки обезличенной рациональной науки, в то время, как некоторые современные химики и математики, например, И. Пригожин, Н. Н. Моисеев, восстали против дегуманизированного мира ньютоновской рациональности.

Символом рациональности мирового порядка часто служили часы. И. Пригожин показывает, что взгляды, использующие идеал рациональности на мир как на мир-автомат и на мир, подчиненный богу, сходятся: автомату необходим бог. Именно принятие рациональной механистической картины природы и общества, мира универсальных законов равновесия и порядка сближает характеристики “искусственных миров”, в которых любые индивидуальные проявления жизни человека подчинены принципу гомеостаза.

Постулат сообразности. В самом фундаменте различных направлений теории и методологии психологии, явно или неявно выражающей установки классического рационального мышления, лежит “постулат сообразности” (В. А. Петровский). В контексте постулата сообразности любое проявление активности субъекта выступает как восхождение к заранее заданной, предустановленной, конечной Цели, в итоге подчиняющей себе жизненный путь личности. *Подчиненность активности какой-либо заранее данной норме или цели и составляет существенную особенность поведения субъекта, характеризуемого как адаптивное.* В зависимости от содержательной интерпретации предустановленной цели В. А. Петровским выделяются **три варианта** постулата сообразности: **гомеостатический, гедонистический и прагматический** (Выделено мной — С. Р.).

Гомеостатический вариант. Идея гомеостаза досталась психологам в наследство от традиционных биологических теорий, утверждающих, что все реакции организма как системы, пассивно приспособляющейся к воздействиям среды, призваны лишь выполнять сугубо адаптивную функцию — вернуть организм в состояние равновесия.

В эмпирической психологии этот вариант принимал самые различные формы. Особенно явно он выступил в рефлексологии, в которой активность субъекта сводится к поддержанию равновесия со средой. Гомеостатический вариант объяснения поведения личности нашел свое выражение в столь внешне непохожих общепсихологических концепциях, как психоанализ З. Фрейда; динамическая теория личности К. Левина; социально-психологические теории стремления к разрядке когнитивного несоответствия (диссонанса) Л. Фестингера или баланса,

соответствия; в необихевиористских концепциях редукции напряжения потребностей организма человека и животных.

В историко-эволюционном подходе показывается, что лишь внешне противоположными, но близкими по содержанию являются концепции личности в гуманистической психологии, в которых идее гомеостаза противопоставляется идея “стремления к напряжению”, к нарушению равновесия как исходная методологическая предпосылка изучения мотиваций развития личности человека (А. Маслоу, Г. Олпорт, К. Роджерс и др.). В тех и в других концепциях личность противопоставляется социальной среде, а ее поведение подчиняется заранее предустановленной конечной цели — обрести равновесие с обществом за счет разрядки потребностей или достичь «равновесия» с самим собой за счет самоактуализации, т. е. стать таким, как предписано природой, как бы ни мешало или ни помогало общество.

Гедонистический вариант. В соответствии с гедонистической предпосылкой анализа поведения человека любые поведенческие акты направлены на максимизацию удовольствия и минимизацию страдания, в частности отрицательных эмоций, огорчений и т.п.

Прагматический вариант. Этот вариант, распространенный в функциональной и когнитивной психологии, выступает в виде положения о том, что любое оптимальное поведение направлено на максимизацию *пользы, эффекта* при минимальных затратах.

Прагматический вариант, особенно в той форме, в которой он дается в когнитивной психологии, исходит из определения человека, как “человека разумного, рационального”, а тем самым любого человеческого действия как рационального и разумного. Отсюда при анализе развития человека в его индивидуальной жизни и в истории общества отбрасываются любые проявления, не вписывающиеся в рамки “разумного действия”: немотивированные поступки в жизни личности, неутилитарные проявления человека в истории общества.

И психологи, и антропологи, и археологи ищут объяснения проявлений сущности личности в ее индивидуальной жизни и в истории человечества в чисто рациональных приспособительных образованиях — в утилитарной полезной деятельности и ее продуктах. При этом соответствующий прагматическому варианту постулата

сообразности образ “разумного человека” достраивается, подтверждается, а многие неутилитарные проявления жизни личности и человечества интерпретируются как недостойные внимания, странные, ненужные и бесполезные.

Среди трех указанных вариантов постулата сообразности наибольшее влияние на понимание развития личности в контексте биогенетической, социогенетической и персоногенетической ориентации в психологии оказала *гомеостатическая модель развития*. Именно гомеостатическая модель развития личности, сводящая любые проявления активности в ходе эволюции к достижению равновесия, стоит за схемами двухфакторной детерминации развития личности.

Гомеостатическая модель развития лежит в основе столь разных теорий развития, как психоанализ З. Фрейда и генетическая психология Ж. Пиаже. Вместе с тем различные феномены, проанализированные в сфере изучения психосоматики В. С. Ротенбергом, а в сфере собственно психологии активности личности В. А. Петровским, доказывают, что модель гомеостатического развития имеет не универсальный, а частный характер. Так, среди этих не вписывающихся в данную модель фактов следует упомянуть факты падения процента психосоматических и инфекционных заболеваний в экстремальных критических ситуациях, “болезни достижения целей как синдром Мартина Идена” (В. С. Ротенберг), феномен “риск ради риска” (В. А. Петровский). Подобные факты побуждают психологов не только оказаться «по ту сторону постулата сообразности», как точно отмечает В. А. Петровский в своей монографии “Личность в психологии” (1996), близкой по духу работам в сфере неклассической физики, но в целом выйти за пределы описанных выше барьеров классического рационального мышления в психологии личности.

От культуры полезности к культуре достоинства: социальная биография культурно-исторической психологии

Истоки зарождения неклассического мышления в психологии личности теснейшим образом связаны с разработкой проблемы бессознательного в психоанализе (З. Фрейд), теорией установки (Д. Н. Узнадзе), культурно-исторической концепцией развития высших

психологических функций (Л. С. Выготский) и деятельностным подходом к изучению психических явлений (А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн).

Принципиальная новизна этих различных направлений методологии психологии состоит в прорыве за границы “постулата непосредственности” и поиске того “опосредующего звена”, которое, порождая психические явления, само бы к сфере психического не принадлежало. В психоанализе акцент на таких особенностях бессознательного как “нечувствительность к противоречиям” и “вневременный характер”: вызвал страх и отвращение у представителей классического рационального мышления, спешащих рационализировать психоанализ как “не науку”, “мифологию” или странное “искусство”.

Теория установки Д. Н. Узнадзе по своей мировоззренческо-ценностной функции в психологии и культуре изначально **выступила с протестом против рационального образа человека как изолированного, вырванного из мира эволюции существа** (Выделено мной — С. Р.).

Сверхзадачей Д. Н. Узнадзе было исследование человека как активного творца “биосферы (термин, использован Д. Н. Узнадзе в 1923 г., независимо от В. Вернадского). **Отсюда методологии Д. Н. Узнадзе с самых первых этапов становления теории первичной установки присущи положение о целевой детерминации жизнедеятельности и источнике самодвижения деятельности в виде “функциональных тенденций” личности** (Выделено мной — С. Р.).

Особое внимание в разработке историко-эволюционного подхода в психологии личности уделено тем ценностным *идеологическим установкам общественного сознания*, которые на долгие годы вытеснили со сцены психологической науки парадигму мышления неклассической психологии, лежащую в основе культурно-исторической психологии и деятельностного подхода к изучению психических явлений.

Лишь в последние десятилетия имена Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна стали все чаще ассоциироваться со становлением парадигмы неклассического мышления в психологической науке.

Среди последователей **Л. С. Выготского** прямая характеристика идей Выготского как *неклассического подхода* к сознанию принадлежит

Д. Б. Эльконину (1981) (Выделено мной — С. Р.). По сути дела миф о Л. С. Выготском как рационалисте, близком по духу когнитивной психологии или даже необихевиоризму, начинает распадаться на Западе благодаря исследованиям Р. Харре, Дж. Верча, М. Коула, а также группы датских методологов психологии (Н. Poulsen, М. Engelsted, J. Mammen и др., 1988), недвусмысленно показавших родство между глубинными установками мышления деятельностного подхода в психологии и неклассической физикой Н. Бора.

В своем бунте против рационализма Р. Харре (1984, 1985) привлекает в союзники Л. С. Выготского и, опираясь на принцип “интериоризации — экстериоризации”, совершает два шага:

— **изобличение классической психологии в пяти грехах — сциентизме, универсализме, индивидуализме, механистической каузальности и опоре на картезианские оппозиции “внешнее — внутреннее”, “субъективное — объективное”** (Выделено мной — С. Р.);

— **построение пространства “истинной” психологии с осями “индивидуальное — коллективное”, “социальное — личностное”, “публичное — приватное” с прямой опорой на положение Л. С. Выготского об “интериоризации — экстериоризации”** (Выделено мной — С. Р.).

Упомянутые выше датские психологи открывают в деятельностном подходе методологию, снимающую оппозицию “объективное — субъективное” через категорию деятельности и, по сути, использующую при анализе соотношения физического, культурного и психического миров “**принцип дополнительности**” (Н. Бор) (Выделено мной — С. Р.).

Для Д. Б. Эльконина переход Л. С. Выготского от трактовки социальной среды как “фактора” к пониманию “социального” в качестве “*источника*” развития личности символизирует начало *неклассической психологии сознания*.

И не слабость, а сила культурно-исторической психологии Л. С. Выготского заключается в том, что эта теория нередко воспринимается как более близкая по духу искусству, чем психологии, опирающейся на классическое рациональное мышление.

Секрет современности Л. С. Выготского в истории науки почти нашли С. Тулмен, А. Пузырей, А. Козулин, которые, говоря о “феномене Выготского” как о загадке XX в, в самих своих характеристиках Л. С. Выготского почти приближаются к ее разгадке. Еще З. Фрейд учил, что переименования, метафоры не являются случайными обмолвками, а имеют потаенный смысл. В образных сравнениях этими авторами Выготского с Моцартом, в уподоблении судьбы Л. С. Выготского судьбам литературных героев Сервантеса, Т. Манна, Г. Хессе и Б. Пастернака — ключ к пониманию “феномена Выготского” и особенности его пути в науке.

Выготский всегда, даже когда его тексты транслировались с помощью бихевиористской или рефлексологической научной терминологии, **занимал глубинную смысловую позицию Мастера** (Выделено мной — С. Р.) подлинного художника, занятого строительством культурной конкретной психологии человека. Культурно-историческая психология и стала произведением новой культуры понимания человека, вышедшим из творческой мастерской Л. С. Выготского и его соратников.

Если воспользоваться при понимании произведений Выготского условной типологией столь любимого Выготским поэта Осипа Мандельштама, то можно сказать, что Выготский был “смысловиком”, а не “рациональным формалистом”.

Впоследствии идеи школы Выготского действительно, как отмечают некоторые философы, были погружены в многолетний анабиоз. Но эти идеи вовсе не потому погружались в анабиоз, что относились к сфере логики, философии или культурологии, а психологи не поняли их значения. Причина задержки движения культурно-исторической теории, ее замедления, разветвления по многим, порой внешне не связанным оттоком от основного русла заключена не в науке, а в социальной истории общества.

Для понимания *социальной биографии культурно-исторической психологии* необходимо прежде всего мозаику культур в ходе человеческой истории расположить как бы у двух полюсов — полюса *полезности* и полюса *достоинства*.

В *культуре полезности* господствует представление о том, будто мир — большие часы, которые заводит мудрый часовщик. Все размерено, предсказуемо и подчинено раз и навсегда заданному

распорядку социальных действий. В литературе подобный социальный рациональный мир точными мазками передан в романе-утопии Е. Замятина “Мы” и в романе-утопии Дж. Оруэлла “1984”, Но, как пелось в песне, “мы рождены, чтоб сказку сделать былью”. Сказки-утопии Е. Замятина и Дж. Оруэлла сделались былью, они стали безличной культурой полезности, в которой любая психология конкретного человека и, конечно же, гуманистическая культурно-историческая психология были противны самой сути культуры полезности, уже фактом своего существования посягали на устои этой культуры, а тем самым были для нее опасны и избыточны.

Культура полезности оснащена своего рода идеологическими фильтрами, которые чутко определяют, какой “образ человека” имеет право поселиться в мышлении и обществе, стать предметом исследования в науке. Образ “человека-марионетки”, “поведенческого робота”, даже если этого не осознавали исследователи, наиболее оправдывался работами в области изучения условных рефлексов, рефлексологии и реактологии. Именно этот образ “рефлексологического робота” был в конечном счете востребован административно-командной системой тоталитарного социализма,

В 1930 годы тень культуры полезности тоталитарного социализма медленно, но верно наползала на генетику, ноосферную философию и педагогику. Наряду с генетикой и философией, проповедующей “принцип солидарности”, в культуре полезности подвергается остракизму и человекознание.

Культурно-историческая психология школы Выготского стремительно формировалась в те годы как практическая психология развития, выступая основой педологии — науки об изучении развития и воспитания ребенка. Но в психологических исследованиях развития индивидуальности, диагностике индивидуальных способностей каждого ребенка складывавшаяся в 1930 годы командно-административная система не нуждалась. В обстановке всеобщей унификации начала утверждаться педагогика казарменного типа. Тут-то рельефно обозначилось расхождение программы культурно-исторической психологии и программы построения тоталитарного социализма.

Культура полезности утверждала, что только она обладает правом решать, куда идти человеку, где ему быть, о чем ему позволительно думать.

Резким контрастом по отношению к императивам культуры полезности дышат строчки писем Л. С. Выготского, написанные в 1930 и 1931 годах: “Каждый человек должен знать, где он стоит. Мы с Вами тоже знаем и должны стоять твердо. Поэтому итог: Вы — а не кто другой — напишите реакцию выбора, эту главу о развивающейся свободе человека от внешнего принуждения вещей и их воли ...”, “...Нельзя жить, не осмысливая духовно жизнь. Без философии (своей, личной, жизненной) может быть нигилизм, цинизм, самоубийство, но не жизнь. **Но ведь философия есть у каждого. Надо растить ее в себе, потому что она поддерживает жизнь в нас** (Выделено мной — С. Р.) <...>. Что может поколебать человека, ищущего истину <...>. Сколько в самом этом искании внутреннего света, теплоты, поддержки! А потом самое главное — сама жизнь — небо, солнце, любовь, люди, страдание. Это все не слова, это есть. Это подлинное. Это воткано в жизнь. Кризисы — это не временное состояние, а путь внутренней жизни. Когда мы от систем перейдем к судьбам <...> к рождению и гибели систем, мы увидим это воочию» (Нельзя жить, не осмысливая духовно жизнь: Письма Л. С. Выготского к ученикам и соратникам / Публ. А. Пузыря // Знание — сила. 1990. № 7. С. 93–94). Комментировать эти строки, их потрясающую неуместность и нелепость в тридцатые годы — это все равно, что прозой пересказывать поэзию. И сказанного достаточно, чтобы ощутить драму и судьбы Л. С. Выготского, и всей программы культурно-исторической психологии.

Культуре полезности не нужны личности и науки, ориентированные на судьбы личности, на то, что стоит за каждой личностью, — изменчивость, вариативность, непредсказуемость. Эти науки, будь то культурно-историческая психология Выготского, ноосферная теория Вернадского или генетика Вавилова, опасны для тоталитарной системы, поскольку утверждают право на существование непредсказуемости, изменчивости в обществе. И тем самым ставят под сомнение саму модель прозрачного мира, которым может управлять по плану всевидящий часовщик.

Последователи Выготского как бы отступили после его смерти на территорию “частичных” деятельностей — памяти, восприятия, мышления. Временно затихли разговоры об этих процессах как высших формах поведения. Однако и в исследованиях конца 1930 годов проявлялась позиция, которая может быть передана лаконичной формулой: “Вначале было дело” (Л. С. Выготский).

Загнанные внутрь идеи культурно-исторической психологии были востребованы в годы Великой Отечественной войны, когда стало не до схоластических ярлыков и идеологических спекуляций. В исследованиях А. Р. Лурии по восстановлению функций мозга после ранения зарождается новая наука — нейропсихология.

Разработка психологии мотивации поведения личности и произвольных высших форм поведения ведется в цикле работ А. Н. Леонтьева и А. В. Запорожца, подытоженных в до сих пор современной книге “Восстановление движения” (1945).

Все энергичнее продолжает начатый еще с Выготским диалог классик современного человекознания Н. А. Бернштейн, обсуждая с А. Н. Леонтьевым, А. Р. Лурией и А. В. Запорожцем результаты исследований по построению движений. Как и Л. С. Выготский, Н. А. Бернштейн приветствует содержащийся в цикле работ А. Р. Лурии, А. Н. Леонтьева и А. В. Запорожца протест против образа “человека-марионетки”.

Однако командно-административная система лишь временно забывала о “заповедниках”, в которых жили идеи культурно-исторической психологии, деятельностного подхода к изучению психических явлений и физиологии активности. Образ “человека-марионетки” действующего по инструкции “нажми”, вновь прочно утвердился в науке на печально известной Павловской сессии 1950 г.

Просветление пришло после смерти Сталина, в 1953 г., и эпоху хрущевской оттепели. В 1957 г., по свидетельству французского психолога Р. Заззо, А. Н. Леонтьев, находясь во Франции, рассказывает своим коллегам А. Валлону и Р. Заззо о том, что “павловская психология” уходит в прошлое, и настоятельно рекомендует опубликовать малоизвестные за рубежом работы Л. С. Выготского.

Однако эта попытка А. Н. Леонтьева тогда не увенчалась успехом. Лишь в 1956 г, в СССР вновь появляется книга Л. С. Выготского

“Избранные психологические произведения” с предисловием А. Н. Леонтьева и А. Р. Лурии.

К началу 1970 годов, пережив трагедию многолетней не востребоваемости, культурно-историческая психология вновь начинает прорастать в исследованиях В. В. Давыдова, В. П. Зинченко, А. В. Петровского, О. К. Тихомирова и других последователей Выготского, Леонтьева и Лурии. *Однако проблема механизмов преобразования культуры в мир личности и особенно порождения в процессе развития личности иной культуры все еще остается на обочине социальной биографии культурно-исторической психологии.*

Тот, кто погружается в сокровенный замысел культурно-исторической психологии, тот явно и неявно переходит от анализа “сознания вне культуры” и “культуры вне сознания” к постижению тайны взаимопереходов, преобразований социальных связей в мир личности и сотворения личностью из материала этих связей миров человеческой культуры.

Осознать исходный замысел культурно-исторической психологии и означает увидеть в ней венчающую знания о развитии человека в природе и обществе дисциплину, предметом которой является понимание механизмов преобразования культуры в мир личности и порождения в процессе развития личности культуры.

Постановка именно этой проблемы была под силу культурно-исторической психологии потому, что она, как это вновь открыли в конце XX в., была в методологическом плане переходом от классического рационального мышления к стилю мышления неклассической психологии; в аксиологическом плане культурно-историческая психология была нравственным императивом, отстаивающим необходимость перехода от культуры полезности к культуре достоинства.

По стилю мышления культурно-историческая психология ближе к искусству, чем к рациональной науке. В связи с этим к школе приложимы слова О. Э. Мандельштама о том, что литературные школы живут не только идеями, но, по словам Л. С. Выготского и вкусами. Благодаря школе Л. С. Выготского возник новый вкус, и культурное пространство психологии еще более открылось для социологов (Э. Дюркгейм, Дж. Мид), этнографов (Л. Леви-Брюль, Ф. Боас, Р. Турнвальд),

лингвистов (Ф. Соссюр, А. А. Потебня, Р. Якобсон), биологов (В. А. Вагнер, А. Н. Северцов). Подобно тому, как лучшие сатирики вышли из гоголевской “Шинели”, из школы Л. С. Выготского с ее стремлением к ломке междисциплинарных границ вышли нейропсихология и нейролингвистика (А. Р. Лурия), психоллингвистика (А. А. Леонтьев), психосемантика (В. Ф. Петренко, А. Т. Шмелев), психопедагогика в широком смысле слова (П. Я. Гальперин, Д. Б. Эльконин, В. В. Давыдов, Н. Ф. Талызина), психодидактика (Л. В. Занков), социо-исторический подход к обучению, культурная психология и педагогика «диалога культур» (Дж. Верч, М. Коул, В. С. Библер).

Точно сжатая пружина, распрямилась и заработала в системе образования в 1988 г. педологическая программа Л. С. Выготского, осуществленная в такой проектировочной дисциплине, как практическая психология образования. Упомянутый выше цикл работ Р. Харре, датских и других психологов также доказывает, что не только рукописи, но вкусы и идеи неклассической психологии не горят даже на кострах культуры полезности.

Наконец, именно вкус школы Л. С. Выготского к системному историко-генетическому анализу развития человека в эволюции природы и истории культуры привел к разработке неклассического историко-эволюционного подхода в психологии личности².

² *Асмолов А. Г.* По ту сторону сознания: Методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002. Разд. «Истоки неклассической психологии». С. 432–455.